

*THE COUNCIL FOR SECURITY
COOPERATION IN THE ASIA
PACIFIC (CSCAP)*
Russian National Committee
*АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ СОВЕТ
СОТРУДНИЧЕСТВА
ПО БЕЗОПАСНОСТИ (АТССБ)*
Российский национальный комитет (РНК)

*Авторский коллектив:
В.А.Никонов (руководитель), Г.Д. Толорая (редакция),
К.М.Барский, Г.И. Чуфрин, Ю.А. Дубинин, В.И. Трифонов.*

ТИХООКЕАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ

Китайские политики в конце 1990-х годов в неофициальном порядке выдвинули стратегию: «Опереться на Север, стабилизировать Запад, идти на Юг». Россия могла сформулировать свое геополитическое поведение на ближайшие десятилетия такой формулой: «Опереться на Запад, стабилизировать Юг, идти на Восток». Запад – основной источник высоких технологий и качественных инвестиций; Юг – основные источники угроз безопасности страны, Восток – рынки сбыта энергоносителей, сырья, технологий, новые направления двустороннего и международного сотрудничества.

Императивы XXI века заставляют взглянуть на Российскую Федерацию как на страну не европейскую или евразийскую, а как на страну **евротихоокеанскую**. Это означает, что необходимо выдвигать стратегические инициативы в масштабах всего континента, в том числе (с учетом опыта европейской интеграции), в первую очередь, в экономической области.

Мегатенденция последних десятилетий – смещение центра мирового развития в Азиатско-Тихоокеанский регион. АТР все больше становится двигателем мировой цивилизации, роль которого на протяжении пяти последних столетий исполняла Европа. Это связано как с экономическим подъемом региона, так и с явным кризисом евроатлантической идеи глобализации. Азиатские страны – с их опорой на традиционализм и этические ценности – на деле реализуют концепцию многополярного мироустройства.

Именно в Азиатско-Тихоокеанском регионе – с учетом Северной Америки – производится большая часть мирового продукта. В регионе расположены крупнейшие экономики, включая самые большие – американскую, китайскую и японскую. В перспективе здесь будет пять крупнейших мировых экономик с учетом Индии и Российской Федерации. Почти половина стран «большой двадцатки» относится к Азиатско-Тихоокеанскому региону: Австралия, Канада, Китай, Индия, Индонезия, Япония, Россия, Южная Корея, США, Мексика.

В АТР расположены крупнейшие геополитические центры, прежде всего, Соединенные Штаты Америки, которые остаются доминирующей силой в регионе со времен Второй мировой войны и имеют торгово-экономические отношения, многократно превосходящие их трансатлантические связи. Китай с его огромным населением не без основания рассматривается как основной претендент на звание второй сверхдержавы планеты. Во всех процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе активно участвует Индия, которая становится все более значимым и глобальным, и региональным игроком. В АТР расположена крупнейшая в мире исламская страна – Индонезия. К Азиатско-Тихоокеанскому региону принадлежат государства с самым

высоким уровнем развития в Южном полушарии – Австралия и Новая Зеландия. Глобализация усиливает экономическую взаимозависимость, взаимное проникновение интересов, что в свою очередь служит фактором региональной стабильности. В то же время регион экономически неоднороден и раздроблен

Азиатская часть АТР – важнейший мировой полигон выработки модели политической модернизации, которая воспринимается здесь не как вестернизация, а как особый путь развития, основанный на синтезе демократических форм правления и автохтонной политической культуры. И на этом пути наблюдается впечатляющий экономический рост. Для этой модели характерно первоначальное создание экономической базы и законодательное введение экономического либерализма, затем постепенное и одновременно жесткое введение норм конституционного права, затем – дозированная демократизация в зависимости от способности общества «переваривать» политические изменения. Во всех странах Восточной Азии, которые добились экономического процветания, формы и скорость осуществления этой модели были различными, но базисные параметры оставались неизменными.

Незападная демократия азиатского типа – это национальная конституционно-либеральная демократия: Япония, Тайвань, Сингапур, Индия, Шри-Ланка, Южная Корея. Или эволюционная трансформация в западные демократии нелиберальных демократий (авторитарных республик, «административных демократий» либо конституционных монархий) и демократий участия: Таиланд, Малайзия, Индонезия. То есть, это страны, синтезировавшие некоторые демократические принципы с особенностями своей политической культуры, включая специфику конфессиональной организации общества и государства. В Индии сосуществуют Вестминстерская парламентская модель и кастовая система, в Шри-Ланке – буддийская государственность и демократия. В Малайзии – особая роль ислама и синкретической идеологии панчасила, ограничивающей ислам и обеспечивающий конфессиональный плюрализм при мягком доминировании ислама в Индонезии. В Сингапуре сосуществуют ограничения некоторых свобод и доминантный харизматический лидер (ментор-наставник). В КНР уживаются китаизированный марксизм, ограниченная внутрипартийная демократия, прямые выборы на низовом уровне и конфуцианская этика, во Вьетнаме – китайско-конфуцианская модель и советская политическая система.

К числу стран АТР принадлежит и Российская Федерация, хотя она еще слабо осознает себя в этом качестве. Главный и пока трудно преодолимый барьер – это отношение россиян в целом и российской политической, экономической элиты к Азии как к второстепенному району мира. «Азиатчина» – бранное слово. На Дальнем Востоке жалуются, что отсюда и отношение к российским восточным районам как к сырьевому придатку метрополии и военно-политическому форпосту в чуждой и враждебной Азии. В других странах региона Россию часто не воспринимают как Азиатско-Тихоокеанскую страну, поскольку демография, экономика и политика России, в основном, ориентирована на европейский континент.

Нельзя сказать, что Москва не пыталась изменить положение. При этом она исходила из понимания растущей роли региона в мировой политике и того обстоятельства, что судьба российского государства как глобального игрока в возрастающей степени будет определяться местом азиатской части России в новом глобальном экономическом порядке. Первая попытка интегрироваться в АТР относится к середине XIX века, вторая – на рубеже XIX–XX вв. Обе они связаны со страхом потерять эти территории из-за действий сначала Англии и Франции, потом Японии. Третья попытка была предпринята в 1930-е гг., четвертая – в наши дни. Однако роль России, хотя и растет, пока остается маргинальной.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе существует серьезный конфликтный потенциал. Именно здесь еще в начале 1930-х годов началась Вторая мировая война – с японской оккупации Китая, стран Юго-Восточной Азии. И сейчас именно в АТР память о Второй мировой войне вызывает куда более сильные эмоции, чем на европейском континенте.

Из наиболее значимых факторов нестабильности в начале XXI века является, во-первых, стремительный рост военных расходов. Лидирующие позиции остаются за Китаем, Японией, Индией и Южной Кореей. Соединенные Штаты, сохраняя массивное военное присутствие в регионе, наращивают мощную систему стратегической и тактической ПРО.

Во-вторых, происходит быстрый рост импорта вооружений общего назначения, причем не только оборонительных, но и наступательных, таких, как ракетные и авиационные системы.

В-третьих, заметно обострились проблемы распространения ядерного оружия и накопления его запасов. Помимо официальных членов «ядерного клуба» России, США, Китая, еще три страны – Индия, Пакистан и Северная Корея – стали обладателями ядерного оружия.

В-четвертых, сохраняется напряженность на Корейском полуострове. Став обладателем ядерного оружия, Северная Корея заметно ужесточила свои позиции и весной 2009 г. вышла из шестистороннего переговорного процесса. Обострились межкорейские отношения. Возможная смена власти в КНДР заметно активизирует политику США и Китая на полуострове.

В-пятых, существует недостаток взаимного доверия между странами АТР, а то и открытая враждебность во взаимоотношениях некоторых из них. Сохраняются территориальные споры, в которые вовлечены Япония, Россия, Южная Корея, Китай, ряд стран АСЕАН. Нередки конфликты в использовании лесных и водных ресурсов, в рыболовстве, по проблемам границ экономических зон, причем не исключается возможность перерастания экономического противостояния в политическое. К новым трансграничным вызовам относятся обострение религиозно-этнических противоречий, морское пиратство, экологические и природные катастрофы, эпидемии.

В-шестых, происходит эскалация афганского конфликта и расширение его на Пакистан.

В-седьмых, противоречие между укреплением оборонной мощи целого ряда новых, более активных и сильных игроков в Азиатско-Тихоокеанском регионе и той системы двусторонних и многосторонних военно-политических союзов, которые существовали и существуют в регионе, и которые явочным порядком взяли на себя ответственность за обеспечение безопасности в АТР.

В-восьмых, в регионе ощущается возвращение страха перед биполярной конфронтацией – возможно, гипотетической, – теперь уже между США и Китаем. Страны региона хотели бы этого избежать, вписав две державы в общую систему, которая давала бы гарантии от подобного конфликта.

Это выдвигает на первый план необходимость выстроить такую региональную архитектуру, которая позволила бы не только предотвращать и преодолевать конфликты, но и создавала бы стимулы для развития сотрудничества.

Архитектура АТР складывалась нескольких десятилетий, в ее эволюции мы можем четко наблюдать три этапа.

Первый этап – «холодная война», когда регион выступал в роли своего рода заднего двора в биполярной конфронтации.

Второй этап начался с завершением «холодной войны». В АТР стали возникать многосторонние региональные структуры, пошли интеграционные процессы, приобрел общеазиатский характер региональный форум АСЕАН на уровне министров (АРФ), в

1989 году был создан АТЭС. Новые векторы регионального развития не нарушали сложившегося баланса сил, не ставили под сомнение военно-политическое превосходство США и доминирующее экономическое положение Японии в регионе.

Третий этап наступил с азиатским кризисом 1997 года, который имел далеко идущие последствия. В регионе обозначились новые центры силы, экономического роста и военной мощи. Появились новые экономические локомотивы, которые потянули за собой вагоны, которые раньше были прицеплены к другим составам. АТР утратил внутреннее равновесие, и в этом основная причина активизации поисков новых путей взаимодействия государств региона, прежде всего, в экономической области. Структура АСЕАН+3 становилась основой новой финансовой мини-архитектуры субрегиона. Это устраивало не всех игроков, прежде всего, тех, кто не участвовал в процессе.

Не исключено, что глобальный экономический кризис 2008-2009 годов, продемонстрировавший силу государств АТР, окажется очередным этапом в развитии региональной интеграции. Он был порожден в Соединенных Штатах, а выход из кризиса обеспечили в основном азиатские страны АТР, прежде всего, Китай и Индия. Не случайно «большая восьмерка» продемонстрировала если не свою несостоятельность, то недостаточность, уступив место основного антикризисного механизма «большой двадцатке».

Кризис способствовал интенсификации взаимодействия стран АТР в финансовой сфере. Материализуется давно вызревавшая в регионе идея учреждения Азиатского валютного фонда, обсуждается регулирование финансовых рынков, создание системы раннего предупреждения финансово-экономических кризисов, выпуск азиатских облигаций, расширение спектра резервных валют и т. д.

Один из парадоксов, характерных для АТР, заключается в том, что в регионе, где находится огромное количество великих держав, ядром и движущей силой интеграционных процессов традиционно выступали государства второго порядка. Они объединены в АСЕАН и обладают весьма специфической политической культурой. Региональный форум АСЕАН (АРФ), в который входят 27 государств, включая Российскую Федерацию, выступает в качестве главного механизма общерегионального политического диалога по вопросам обеспечения мира и стабильности, противодействия новым вызовам современности, многостороннего сотрудничества в сфере безопасности и формирования мер доверия. Растущую роль играют форматы АСЕАН+1 с ведущими партнерами организации. Однако формат с участием России далеко не так важен для стран Юго-Восточной Азии, как диалоговые форматы с Соединенными Штатами, Китаем или Японией. Набирает обороты сотрудничество в формате АСЕАН+3 – Китай, Япония и Южная Корея. На очереди – создание зоны свободной торговли АСЕАН с Китаем и Японией. Вместе с тем пока не имели особого успеха многолетние усилия в рамках АТР по продвижению «превентивной дипломатии», призванной урегулировать назревающие конфликты – из-за опасений стран региона, что это чревато вмешательством крупных держав, прежде всего, США, во внутренние дела более слабых и «не отвечающих стандартам» стран.

Конфигурация АСЕАН+6, или механизм Восточноазиатских саммитов (образована в декабре 2005 года с дополнительным участием Австралии, Новой Зеландии, Индии), пока далека от совершенства. Она оказалась лишенной экономической основы, и интеграционные процессы в этой части мира продолжают развиваться скорее в рамках механизма АСЕАН+3. А без участия США и России этот механизм не смог создать сбалансированную инклюзивную региональную архитектуру.

Вместе с тем развитие альтернативных диалоговых структур – в частности, встреч министров обороны в формате АСЕАН+8, Декларация о создании которой была принята в мае 2010 г. на встрече в Ханое, может привести к реконфигурации архитектуры безопасности. Возможно, именно оптимизация этого формата станет

стержневым направлением развития регионального сотрудничества в сфере безопасности, отодвигая на второй план АРФ.

Большое место в иерархии региональных организаций занимает АТЭС, объединяющий 21 страну и территорию. Это одна из немногих значимых региональных структур, в которые Россия входит и в которых активно участвует. Вопрос о наделении АТЭС более широкими политическими и, тем более, военно-политическими функциями не стоит, хотя такие попытки рядом стран предпринимались.

Остается открытым вопрос о взаимодействии и координации деятельности международных организаций и форумов.

К этому следует добавить, что экономическая интеграция в АТР материализуется в форме преференциальных торговых соглашений – их на сегодня подписано более 50. Быстрыми темпами формируются зоны свободной торговли, которые в ближайшие годы могут охватить все страны региона. Формирование двусторонних и многосторонних зон свободной торговли, с одной стороны, способствует сближению входящих в них стран. С другой стороны, одновременно возводятся дополнительные барьеры для торгово-экономического сотрудничества между теми, кто находится внутри закрытых торговых блоков, и теми, кто в них не входит. На фоне глобального финансово-экономического кризиса усилился протекционизм. Свободному передвижению товаров, капиталов и услуг мешают недостаточная развитость транспортной инфраструктуры, коммуникаций, несовершенство национального законодательства.

Главная интрига интеграции в АТР – соотношение ролей США и Китая и возможность сопряжения их интересов. Пока наблюдаются существенные колебания американской политики – от попыток выстраивания с Пекином некоего американо-китайского кондоминиума (G-2) до перевооружения Тайваня и поддержки тибетских и уйгурских сепаратистов.

США связывают со многими странами двусторонние военные альянсы. Из них ключевые – с Японией, Австралией, Южной Кореей, Филиппинами и Таиландом. Кроме того, у США существуют механизмы двусторонних консультаций со всеми остальными странами региона. Вашингтон исходит из того, что любая формирующаяся интеграционная структура в АТР должна отражать фундаментальную роль Соединенных Штатов и системы союзов Америки.

Во многом, в самих этих блоковых структурах заложен источник существующих в АТР разделительных линий, взаимного недоверия и подозрительности, что вынуждает страны региона, находящиеся вне американского «зонтика», искать дополнительные возможности укрепления собственной безопасности.

Налицо, однако, относительное ослабление влияния Соединенных Штатов на состояние региональной безопасности. В частности, они испытывают серьезные трудности в удержании стратегической инициативы при решении региональных конфликтов на Корейском полуострове и в Афганистане.

Особый интерес представляет характер сотрудничества между Россией и США по проблемам региональной безопасности. В настоящее время оно носит избирательный характер. По одним проблемам (ядерное нераспространение, северокорейская проблема или оказание содействия США/НАТО в борьбе с исламистами в Афганистане) оно осуществляется на относительно высоком и регулярном уровне, по другим – на более низком уровне или вообще отсутствует.

Происходит явное усиление в Азиатско-Тихоокеанском регионе роли Китая за счет возрастания его удельного веса в региональной и мировой экономике, быстрого увеличения военного потенциала и его качественных характеристик, включая ракетно-ядерный потенциал, ВВС и ВМФ.

Возвышение Китая вызывает самые различные оценки региональных политиков, экспертов, военных специалистов – от надежды на то, что Пекин будет использовать

обретенную мощь в интересах поддержания политической и военной стабильности, до опасений полного стратегического доминирования Китая в АТР. Следует, однако, понимать, что китайской традиции чужд прямой диктат и доминирование. Влияние Китая в регионе растет за счет экономического проникновения и «мягкой силы». Пекин стремится к «гармоническим» отношениям, хотя и не терпит попыток навязывать ему чужую волю.

Полноценной региональной архитектурой эту пеструю картину назвать трудно. Точнее нужно говорить о наличии в регионе находящихся на разных этапах развития многосторонних институтов – разрозненных, неоднородных по характеру, задачам и составу участников. Пан-тихоокеанской системы до сих пор нет, что-то или кто-то из любого существующего формата обязательно выпадает. В АТР отсутствует как, например, в Европе, какая-либо организация, наделенная соответствующим мандатом для комплексного решения политических, экономических проблем и вопросов безопасности региона. Нет договоров и соглашений, регулирующих отдельные направления укрепления безопасности вроде Хельсинского Заключительного акта, Венских документов по мерам доверия или Договора об ограничении обычных вооружений в Европе. Наконец, нет крупных блоков, подобных НАТО, или континентальных структур по образцу ОБСЕ, Совета Европы или Европейского Союза. Контроль над вооружениями в АТР не регламентирован ни правовыми, ни институциональными рамками. Нет в регионе и действенного механизма конфликтного урегулирования.

Отличительная особенность организаций АТР заключается в том, что в структурном отношении они носят достаточно размытый характер, принимаемые ими решения и подписываемые соглашения, как правило, не имеют обязывающего характера, а потому выполняются добровольно. Такие организации действуют на базе консенсуса, по возможности учитывая мнение всех участников.

Потребность создать в АТР всеобъемлющую модель сотрудничества и безопасности все сильнее ощущают многие страны региона. В качестве возможных системообразующих структур называют АРФ, Восточноазиатский саммит – с расширением состава его участников. Все более популярной становится концепция сетевой дипломатии – создания в регионе партнерской сети многосторонних объединений. В этом направлении, в частности, развиваются идеи объединения нескольких региональных площадок, например, АРФ и АТЭС или ВАС и АТЭС, с тем, чтобы процесс регионального сотрудничества имел и политическое, и экономическое измерения. Существуют идеи создания большой «восьмерки» АТР в составе США, Японии, Китая, России, Индии, Республики Корея, Австралии, Индонезии. Все популярнее становятся проекты институализации формата «10+8», включая встречи не только министров обороны, но и на высшем уровне, как о «зонтичной» структуре, координирующей усилия по безопасности в регионе. Притом, что экономическая проблематика останется за АТЭС. Растет интерес к Соглашению о Транстихоокеанском стратегическом партнерстве. Барак Обама, выступая в 2009 году в Токио и Сингапуре, предложил усилить Транстихоокеанское партнерство, в которое входит Сингапур, Бруней, Новая Зеландия и Чили, в качестве фундамента будущей зоны свободной торговли всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Немало сторонников идеи построения региональной архитектуры на базе формирующихся или уже сформированных зон свободной торговли. Вопрос в том, какую из этих зон взять за основу? Одни выступают за создание общерегиональной зоны свободной торговли, другие полагают, что надо опираться на зону свободной торговли в рамках АСЕАН+3.

В японской идее создания Восточноазиатского сообщества – на базе АСЕАН+3 или АСЕАН+6 с возможным участием Соединенных Штатов Америки, но без

российского участия – главный упор делается на развитии имеющихся наработок в области торгово-экономического сотрудничества, создания зон свободной торговли. Предлагается также формировать профильные сообщества не только в экономической области, но и, например, в сфере здравоохранения, образования.

Австралийская идея создания Азиатско-Тихоокеанского сообщества предполагает сотрудничество всех ключевых стран региона, в том числе США и России. На специальной конференции в Сиднее по обсуждению этой инициативы в декабре 2009 года прозвучало несколько возможных сценариев ее реализации. Во-первых, создание принципиально новой структуры, что не встретило большой поддержки и самого австралийского правительства, и других стран. Во-вторых, добавление к АТЭС составляющей безопасности. Это предложение вызывает интерес, но в то же время имеет некоторые ограничения. В такой формат не вписывается Индия. Кроме того, членство в АТЭС Гонконга и Тайваня вызывает неприятие Китая. Более перспективным австралийцам представляется создание организации в формате АСЕАН+6 с добавлением Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Этот формат предполагает не только экономическое, но и военно-политическое измерение. АСЕАН задумывается, как бы подключиться к реализации этого проекта, чтобы не допустить ослабления своей роли в азиатской интеграции. Одна из идей – преобразование АРФ в механизм контактов на высшем уровне в формате АСЕАН+8 как бы путем «поглощения» ВАС при выстраивании партнерских отношений с АТЭС. Дипломаты ломают голову над тем, могут ли саммиты этих форумов быть совмещены.

Пока не определилось отношение США ко всем перечисленным концепциям, а от их позиции зависит устойчивость будущей конструкции. АТР по степени интегрированности в обозримом будущем будут отставать от Европы. К тому же страны АСЕАН, которые находятся в центре интеграционных процессов, воспринимают с подозрением и ревностью любые попытки создания структур, которые грозят вырвать у них руль региональной интеграции.

Наша страна занимает достаточно гибкую позицию по вопросам новой региональной архитектуры, исходя из общего принципа: создание пан-тихоокеанской системы недопустимо без России. Однако это, к сожалению, возможно – при недостаточной нашей активности.

Причины возникновения дебатов о формирующейся архитектуре безопасности и сотрудничества в АТР носят объективный характер, и это говорит о том, что создание новой архитектуры неизбежно. Любое построение должно вестись комплексно, оно не может замыкаться только на узком круге проблем, например, только на экономической интеграции. Оно, безусловно, должно охватывать и сферу безопасности, равно как и другие области – гуманитарную, в том числе. Процесс потребует значительных усилий в поисках общего знаменателя, максимального учета интересов всех игроков, нетрадиционных подходов. А самое главное, этот процесс потребует политической воли всех его участников.

Однако пока выработка общих позиций во многом идет без учета наших интересов и даже без нашего участия. Россия должна стать полноправным участником процесса. Для начала необходимо предложить региону **концепцию региональной архитектуры и роли России в ней**, концепцию внутренне непротиворечивую и учитывающую интересы максимально широкого круга партнеров. Логично и эффективно было бы озвучить ее в увязке с саммитом АТЭС во Владивостоке 2012 года, предварительно проведя масштабную дипломатическую работу по продвижению основных положений для обеспечения максимальной поддержки. Внешнеполитическая доктрина может быть выработана в увязке с представлением Правительством РФ по

поручению Президента (до конца 2010 г.) программы действий по укреплению позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Основные положения могли бы включать следующее. Главная для стран АТР задача – преодолеть существующие в регионе «водоразделы», из имеющихся «несущих опор» и «кирпичиков» выстроить целостную «архитектурную конструкцию», добиться создания единого пространства безопасности и сотрудничества.

Азиатско-Тихоокеанскому региону с его контрастами и проблемами нужна многомерная, многослойная архитектура безопасности и развития, которая основывалась бы на началах коллективности, равноправия и транспарентности, на общепринятых принципах международного права. Эффективность будущей архитектуры может быть обеспечена только тогда, когда в регионе не будет разделительных линий, а учет законных интересов государств станет нормой региональной жизни. Наиболее реалистичным в нынешних условиях было бы идти по пути развития горизонтальных связей в духе сетевой дипломатии, создания в регионе сети партнерских связей между многосторонними организациями и форумами. На повестку дня становится построение в АТР кооперативной по своему характеру, транспарентной и многополюсной системы региональной безопасности и сотрудничества, которая основывалась бы на коллективных началах, нормах международного права, принципе неделимой безопасности для всех государств региона.

Институциональную основу будущей региональной архитектуры следовало бы определить на базе некоего набора критериев:

- инклюзивность состава и широта географического охвата;
- многопрофильность деятельности;
- наличие наработанной практической базы сотрудничества;
- потенциал для создания регионального сообщества, общей идентичности;
- поддержка со стороны стран региона, не входящих в то или иное объединение.

Военные аспекты региональной безопасности и стабильности, формирование соответствующих механизмов для их решения должны занять свое место в процессе обсуждений, ведущихся в регионе. Очевидно, вряд ли можно согласиться с тем, что созданная в АТР под эгидой США система военных баз и двусторонних военных союзов является фактором, который может обеспечить безопасность в регионе, служить альтернативой подлинной архитектуре безопасности и сотрудничества.

Путь интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион – это интенсивное экономическое и социальное развитие Сибири и Дальнего Востока в рамках единого индустриально-промышленного комплекса Российской Федерации. Поэтому именно сюда надо в первоочередном порядке направлять инвестиции, инновационные и людские ресурсы, создавать для этого соответствующие условия. Необходимо сосредоточиться на сравнительных конкурентных преимуществах ДВР: природные ресурсы (энергетические, прежде всего), транзитный потенциал, а по отношению к менее развитым странам – и технологический потенциал. За Уралом или хотя бы в дальневосточных субъектах Федерации нужен льготный инвестиционный режим, в том числе для иностранных инвесторов, включая и свободные экономические зоны.

Необходимо в полной мере использовать российский энергетический, транспортный, научно-технический, инновационный и, конечно, сырьевой потенциал в интересах нашей страны и всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Важную роль в этом призвана сыграть принятая Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года», стратегия соработки Восточной Сибири и российского Дальнего Востока с северо-восточными регионами Китая.

Кардинальное значение для повышения глобальной и региональной роли России имеет геостратегическое положение нашей страны как евразийской державы,

превращение ее в связующий мост между Европой и Азией. Сегодня основное сообщение между этими двумя мощнейшими регионами (и с Америкой) осуществляется обходными путями, через Индийский и Тихий океаны. Переориентация на трансасиатские железнодорожные и шоссейные магистрали хотя бы части грузоперевозок принесло бы огромные выгоды транзитным странам и странам-заказчикам, значительно сократив стоимость и сроки перевозок.

На общем геополитическом и экономическом пространстве АТР особого внимания заслуживает **Северо-Восточная Азия**, где переплетаются интересы наиболее крупных и влиятельных стран региона. В то же время здесь нет действенного механизма обеспечения стабильности и безопасности. Российская сторона неоднократно ставила вопрос о структуре диалога по проблемам региона. Этот диалог мог бы охватывать самый широкий комплекс вопросов – от экономики, энергетики, экологии до разоруженческой тематики, проблем терроризма, выработки мер доверия в СВА и др. Основой такой диалоговой структуры обеспечения мира, безопасности и развития СВА может стать механизм шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова. Ранее в контексте переговоров «шестерки» Россия представила проект «Руководящих принципов обеспечения мира и безопасности в Северо-Восточной Азии». Важно активнее использовать тот факт, что за Россией закреплено руководство группой по механизму мира и безопасности в СВА. Однако в настоящее время переговоры прерваны как из-за позиции Северной Кореи по ядерному разоружению, так и из-за инцидента с потоплением южнокорейского корвета «Чхонан», который стал поводом к изоляции КНДР. Надо вести дело к возобновлению переговоров. Можно предложить созыв многосторонней дипломатической конференции по урегулированию в Корее (как это было предусмотрено послевоенными договоренностями) в составе тех же шести стран плюс ООН. Возможно, под эгидой этой организации, формально являющейся участником боевых действий в Корее.

Необходимо активизировать наш диалог с **АСЕАН**, вехой в котором будет Второй саммит Россия–АСЕАН осенью 2010 года в Ханое. Важнейшим внешнеполитическим событием, связанным с процессом интеграции России в АТР, станет российское председательство в АТЭС в 2012 году. Задачей номер один становится успешное проведение намеченного саммита во Владивостоке и всей программы председательства. Серьезное значение имеет принятое решение о подключении России к Форуму «Азия-Европа» (АСЕМ). Важно ответственно подготовиться к предстоящему в октябре с. г. 8-му саммиту АСЕМ в Брюсселе, где впервые будет представлена наша страна.

Определенную роль в евразийских процессах может сыграть Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), реализация ее трансасиатских проектов, повышение роли ШОС, в том числе и в делах АТР. Путь движения Шанхайской организации в этом направлении был заложен еще в Ташкентской декларации глав государств-членов ШОС 2004 года, когда была поставлена задача установления партнерской сети этой организации с действующими в АТР международными структурами и форумами.

В отношении главного партнера, **Китая**, нет альтернативы политике дружбы, продолжению диалога, углублению политического и военно-политического доверия, развитию торговли, инвестиций, совместных проектов, особенно с учетом растущего дисбаланса мощи двух стран. Однако дружить следует «зряче», не забывая о собственных интересах, об инструментальном подходе к отношениям. Следует избегать крайностей – с одной стороны, антикитайского алармизма, а с другой – восхваления Китая, его успехов и достижений.

Взаимовыгодные и торгово-экономические отношения с КНР должны включать в себя:

- отказ от любых действий при проведении «китайской политики» России, которые ухудшали бы положение нашей страны и ее населения;
- создание на территории России при трудовой кооперации с Китаем инновационных предприятий;
- сокращение прямого экспорта в Китай непереработанного российского сырья;
- создание промышленности (возможно, за счет американских и японских инвестиций) на территории России (Сибирь, Дальний Восток) по переработке сырья и продаже полуфабрикатов для Китая, причем непрерывно повышая долю российской добавленной стоимости;
- создание и финансирование механизма постоянного диалога между российскими и китайскими учеными, расширение преподавания восточных языков и востоковедения;
- расширение взаимодействия правоохранительных органов;
- целенаправленные меры по улучшению имиджа России в Китае.

В отношении **Японии** надо исходить из того, что вопросы послевоенного урегулирования решены в Совместной декларации 1956 г. и в серии договоров и соглашений, заключенных в двустороннем порядке вплоть до сегодняшнего дня.

По вопросу о «мирном договоре» было бы предпочтительно выступить с инициативой заключить «Договор о мире, дружбе, сотрудничестве и безопасности», или «Договор о добрососедстве и сотрудничестве», который бы определил основы и принципы отношений в наступившем столетии. В этих условиях Россия была бы готова решать проблему демаркации границы в рамках отдельного Пограничного соглашения, что соответствует международной практике. Вряд ли оправданно делать акцент на исключительной важности «японских технологий и инвестиций», без которых якобы невозможна реализация программ развития российского Дальнего Востока. Представляется крайне важным – со стороны и федерального центра, и региональной власти – осуществить более масштабную и системную поддержку Курильских островов, сосредоточив основное внимание на благоустройстве приграничных с Японией территорий и улучшении инвестиционного климата. Федеральную целевую программу «Социально-экономическое развитие Курильских островов на период с 2007 по 2015 годы» (ФЦП «Куриль»), утвержденную в 2006 г., следовало бы поставить под особый контроль полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе с целью их превращения в «витрины» России в АТР.

Что касается наиболее «горячей» точки вблизи азиатских границ России, **Корейского полуострова**, то первоочередной задачей здесь следует считать сохранение мира и стабильности. Оснований рассчитывать на скорый крах КНДР сегодня не больше, чем вчера. Важно создать условия для ее позитивной эволюции и экономического прогресса в интересах примирения с «соседями» и ослабления напряженности. Только такая эволюция режима в итоге может сделать «ядерный сдерживатель» излишним для КНДР и привести к денуклеаризации в отдаленном будущем.

Реальнее надо стремиться не к скорой «денуклеаризации», а для начала – к «замораживанию» имеющегося ракетно-ядерного потенциала КНДР. При этом она может принять на себя проверяемое обязательство не претендовать на признание в качестве ядерной державы, выполнять требования ДНЯО (возможно, пребывая в нем в «особом» статусе).

Ключом к укреплению позиций России на Корейском полуострове является поддержание нормального диалога с руководством КНДР, в том числе в интересах позитивного воздействия на него, так как только это заставит другие страны принимать всерьез наши интересы. Важно создание собственной экономической ниши в КНДР, особенно в рамках трехсторонних проектов с участием РК.

Южная Корея для России становится третьим по значению партнером в Азии не только в экономике, но и «балансиrom» в отношениях с Китаем и Японией. Однако следует избегать с Республикой Кореей противоречий в «северокорейском вопросе» в рамках налаживания стратегического партнерства.

В связи с затуханием шестистороннего переговорного процесса необходимы такие инициативы с нашей стороны, чтобы не оказаться «за бортом» корейского урегулирования. В российских интересах продвигать концепцию создания многостороннего механизма обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии как основы нового режима поддержания мира в Корее.

8 июля 2010 года